

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.
АДРІАТИКА. ЛИРИКА.

ИЗДАНИЕ АВТОРА. ЭСТОНІЯ.
НАРВА. ॥ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬ-
СОТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ.

КНИГИ ИГОРЯ СЪВЕРЯНИНА.

Сборники стиховъ:

1. „ГРОМОКИПЯЩІЙ КУБОКЪ“ /Стихи 1905—12 г. г./.
Десять изданій — 34348 экз. /1913 — 18 г. г./.
2. „ЗЛАТОЛИРА“ /1906 — 13 г. г./.
Семь изданій — 12400 экз. /1914 — 18 г. г./.
3. „АНАНАСЫ ВЪ ШАМΠΑНСКОМЪ“ /1903 — 15 г. г./.
Пять изданій — 15560 экз. /1915 — 18 г. г./.
4. „VICTORIA REGIA“ /1908 — 15 г. г./.
Четыре изданія — 11550 экз. /1915 — 18 г. г./.
5. „ПОЭЗОАНТРАКТЪ“ /1905 — 11 г. г./.
Три изданія — 9180 экз. /1915 — 18 г. г./.
6. „ТОСТЬ БЕЗОТВѢТНЫЙ“ /1915 г./.
Два изданія — 9100 экз. /1916 — 18 г. г./.
7. „МИРРЭЛІЯ“ /1916 — 17 г. г./.
Одно изданіе — 3000 экз. /1922 г./.
8. „СОЛОВЕЙ“ /1918 г./.
Одно изданіе — 10000 экз. /1923 г./.
9. „ВЕРВЭНА“ /1918 — 19 г. г./.
Одно изданіе — 5000 экз. /1920 г./.
10. „МЕНЕСТРЕЛЬ“ /1919 г./.
Одно изданіе — 3000 экз. /1921 г./.
11. „AMORES“ /Книга стиховъ Генрика Виснапу/. Переводъ
съ Эстонскаго.
Одно изданіе — 2000 экз. /1921 г./.
12. „ФЕЯ EIOLE“ /1920 — 21 г. г./.
Одно изданіе — 2500 экз. /1922 г./.
13. „ПОЭТЫ ЭСТОНІИ“ /Антологія эстійской лирики/.
Одно изданіе — 2500 экз. /1929 г./.
14. „ПАДУЧАЯ СТРЕМНИНА“ /Романъ въ стихахъ/.
Одно изданіе — 2500 экз. /1925 г./.

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ

АДРІАТИКА

ЛИРИКА

~~4А~~
ИЗДАНИЕ АВТОРА

20002

ЭСТОНІЯ. НАРВА

1932

Ex. A

Эта книга отпечатана въ количествѣ
500 экземпляровъ въ типографіи
„О.-П. „Narva Kirjastusühisus“
въ Нарвѣ въ 1932 г.

41754025

Адресъ автора съ 1918 г.:
Estonie. Toila, Severjanin.

Адріатическая бирюза.

Какъ обвораживаетъ мнѣ глаза
Адріатическая бирюза!

Облагораживаетъ мнѣ уста
Непререкаемая красота.

Обезкураживаетъ вышина.
Отъ тучъ разглаживаетъ ликъ луна.

И разгораживаетъ небеса
Семисіяющая полоса.

Обезображиваетъ чары мѣсть
Предсмертнымъ кактусомъ взрощен-
[ный шесть.

Омузыкаливается мой слухъ.
Обезпечаливается мой духъ.

Парижъ,
25 февр. 1931 г.

Дрина.

В. В. Берниковой.

О, ядовито-яростно-зеленая,
Текущая среди отвѣсныхъ скалъ,
Прозрачна ты, какъ дѣвушка влюбленная,
И я тобою душу оплескалъ!

А эти скалы, — голубыя, сизыя,
Съ лиловостью, съ янтарностью, въ дубахъ
Съ проржавленной листвою, — бросаютъ вызовы
Вамъ въ городахъ, какъ въ каменныхъ гробахъ!

Вѣдь есть же мощь, почти невѣроятная,
Лишь въ сновидѣньяхъ мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И пѣсенная, какъ весенній дождь!

Вѣдь есть же красота, еще непѣтая,
Способная дивить и восторгать,
Какъ эта Дрина, въ малахитъ одѣтая,
Какъ этихъ скалъ застывшая пурга!

Боснія. Горажда,
15 янв. 1931 г.

Горный салютъ.

Та-ра-ра-ррахъ! Та-ра-ра-ррахъ!
Насъ встрѣтила гроза въ горахъ.
Смѣялся молній аметистъ
Подъ ливня звонъ, подъ вѣтра свистъ.

И съ каждымъ километромъ тьма
Теплѣла, точно тонъ письма
Теплѣть съ каждою строкой, —
Письма къ тому, кто будетъ твой.

Неудивительно: я везъ
Въ край мандариновъ и мимозъ
Рябины съ верескомъ привѣтъ, —
Привѣтъ отъ тѣхъ, кого здѣсь нѣтъ. . .

Я везъ — и бережно вполнѣ —
Адріатической волнѣ
Привѣтъ отъ Балтики сѣдой, —
Я этой везъ привѣтъ отъ той.

Я сѣверъ пѣлъ, — не пѣлъ я югъ.
Но я поэтъ, природы другъ,
И потому салютъ въ горахъ:
Та-ра-ра-ррахъ! Та-ра-ра-ррахъ!

Дубровникъ (Рагуза)

Вилла „Флора мира“,

18 янв. 1931 г.

Январь на югѣ. Л. Н. Бенцелевичъ.

Ты представь, снѣгъ разгребая на дворѣ:
Дозрѣваютъ апельсины... въ январѣ!
Здѣсь мимоза съ розой запросто цвѣтутъ.
Такъ и кажется — нѣмые запоютъ!

А какая тутъ пѣвучая теплынь!
Ты, печаль, отъ сердца хмураго отхлынь.
И смѣшить меня разлапанный такой,
Неуклюжій добрый кактусъ вѣковой.

Пальмъ захочешь — оглянись-ка и гляди:
Справа пальмы, слѣва, сзади, впереди!
И вотъ этой самой пишушей рукой
Апельсинъ могу сорвать—одинъ, другой...

Ты, подъ чьей ногой скрипнуть парчевый снѣгъ,
Ты подумай-ка на мигъ о краѣ нѣгъ —
О Далмаціи, чей обликъ бирюзовъ,
И о жившей здѣсь когда-то Dame d' Azow.

И еще о томъ подумай-ка ты тамъ,
Что свершенъе предназначено мечтамъ,
И одна изъ нихъ уже воплощена:
Адриатику я вижу изъ окна!

Дубровникъ (Рагуза)

Вилла „Флора мира“,

18 янв. 1931 г.

Воздухъ — радость.

М. А. Сливинской.

Это не вѣянье воздуха,
а дыханье Божества
Въ дни неземные, надземные
Божескаго Рождества!

Воздухъ вдохнешь упоющей, —
развѣ-жь гдѣ-то есть зима?
То, что зовется здѣсь воздухомъ —
радость яркая сама!

Море и небо столь синія,
розы алая въ саду.
Черезъ прозрачныя пиніи
Бога, кажется, найду.

Господи! Голубоватыя
вижу брызги на веслѣ.
Это же просто немыслимо:
неземное на Землѣ!

Дубровникъ (Рагуза)

Вилла „Флора мира“,

24 дек. 1931 г.

Рождество на Ядранѣ.

А. В. Сливинскому.

Всего три слова: ночь подъ Рождество.
Казалось бы, вмѣщается въ нихъ много-ль?
Но въ нихъ и Римскій-Корсаковъ, и Гоголь,
И на землѣ небожной Божество,

Въ нихъ — снѣгъ хрустящій и голубоватый,
И безалаберныхъ веселыхъ ногъ
На немъ слѣды у занесенной хаты,
И святочный дѣвичій хохотокъ.

Но въ нихъ же и сіянье Вифлеема,
И перья пальмъ, и духота песка.
О, сказка изъ трехъ словъ! ты всѣмъ близка.
И въ этихъ трехъ словахъ твоихъ — поэма.

Мнѣ выпало большое торжество:
Душой взлетя за всѣ земныя грани,
На далматинскомъ радостномъ Ядранѣ
Встрѣчать святую ночь подъ Рождество.

Дубровникъ (Рагуза)

Вилла „Флора мира“,

Ночь подъ Рождество 1931 г.

Полдень Перваго дня.

Е. И. Поповой - Каракашъ.

Море опернаго цвѣта
Шелковѣло вдалекѣ.
Роза жаждала расцвѣта,
Чтобъ увясть въ твоей рукѣ.

Море было такъ небесно,
Небо — морево. Суда
Въ отдаленьи неизвѣстно
Шли откуда и куда.

И въ глаза взглянула зорко
Встрѣченная на молу
Ласковая черногорка.
Проносившая смолу.

Было солнечно-слѣпяще.
Вновь поэтомъ сталъ я весь.
Было такъ ненастояще,
Какъ бываетъ только здѣсь!

Дубровникъ (Рагуза)
Вилла „Флора мира“,
25 дек. 1931 г.

Прогулка по Дубровнику.

Т. И. Хлытчіевой.

Шевролэ насъ доставилъ въ Дубравку на Пиле,
Гдѣ за столикомъ насъ поджидалъ адмираль.
Мы у юной хорватки фіалокъ купили,
И у женскаго сердца букетъ отмираль...

Санто Мàрія влѣво, направо Лаврентій...
А Ядранскаго моря зеленая синь!
О какомъ еще можно мечтать монументъ
Въ окруженіи тысячелѣтнихъ святынь?

Мы бродили надъ моремъ въ нагорномъ Градацѣ,
А потомъ на интимный спустились Страдунъ,
Гдѣ опять адмираль, съ соблюденьемъ градацій.
Отголоски будиль историческихъ струнъ.

Отдыхали на камнѣ, горячемъ и мокрому,
Подъ водою прозрачною видѣли дно.
И мечтали попасть на заманчивый Локрумъ,
Да и съ лодки кефаль половить заодно...

Подъ ногами песокъ соблазнительно хрупаль
И совѣтоваль вкрадчиво жить налегкѣ...
И куда-бъ мы ни шли, виллы Цимдиня куполь,
Цвѣта моря и неба, синѣль вдалекѣ.

Мы, казалось, въ причудливомъ жили капризѣ,
Въ сновидѣньи надуманномъ и непростомъ.
И такъ странно угадывать было Бриндизи
Тамъ за моремъ, на югѣ, въ просторѣ пустомъ...

Toila,

4 іюня 1931 г.

Конавлянки.

Уже автобусъ на Конавлю
Готовъ уйти. У кабачка
Я съ конавлянками лукавлю,
Смотрящими исподтишка.

Онѣ интеллигентнолицы,
Ихъ волоса то смоль, то лень.
Не зря презрительный патрицій
Былъ въ ихъ прабабушекъ влюбленъ!

Порабощенъ Наполеономъ
И давъ безбрачія обѣтъ,
Недаромъ къ Чилипійскимъ склонамъ
Послалъ онъ сына для побѣды...

Красавицъ стройность не случайна.
Высокій ростъ и вся ихъ стать:
На нихъ вѣковъ почила тайна,
И имъ въ наслѣдственность — блистать.

Отъ Ерцегнови до Цавпата
Ядранъ ядрень и осіанъ —
Республика аристократа —
Послѣдними изъ могиканъ.

Toila,
17 іюня 1932 г.

17. юн. 1932 г.

Коня Перасть.

Пересѣкаемъ бухту на паромѣ,
Въ автомобилѣ сидя. Въ глубинѣ
Бѣлѣть городъ. Пусто въ каждомъ домѣ.
Безлюдье въ золотистой бѣлизнѣ.
Перасть! Перасть! Что видишь ты во снѣ?

Сна твоего не видно намъ въ бинокли.
Покинутость, заброшенность вездѣ.
И островъ твой — припомнился мнѣ Беклинъ —
Мертвяще мраченъ въ бухтовой водѣ.
Перасть! Перасть! Гдѣ жизнь былая? гдѣ?

Гдѣ вѣкъ, когда ты былъ гнѣздомъ пиратовъ,
Пѣвецъ, любовникъ, воинъ, оргіастъ?
Когда, сокровища въ себѣ запрятавъ,
Окружныхъ горъ киркой тревожилъ пласть?
И вотъ — какъ нѣтъ тебя, Перасть, Перасть!

Toila,

6 іюня 1931 г.

Двадцать восемь.

Мы взбираемся на Ловчень.
Мы бѣжимъ подъ облака.
Будь на поворотахъ ловче.
Руль держащая рука!

Сердце старое не старо,
Молодо хотя-бъ на часъ:
У подножья горъ Каттарро
Двадцать восемь встало разъ!

Почему такъ много? — спросимъ.
На вопросъ отвѣтъ одинъ:
Потому что двадцать восемь,
Двадцать восемь серпантинъ!

Мы пьянѣемъ, пламенѣемъ
Отъ развернутыхъ картинъ.
Грандіознымъ вьются змѣемъ
Двадцать восемь серпантинъ!

Ex bibl. univ. Tart.

Адриатика подъ нами.

Мы уже въ снѣгахъ вершинъ.

Въ тридцать километровъ знамя —

Двадцать восемь серпантины!

Дубровникъ (Рагуза)

Вилла „Флора мира“.

20 янв. 1931 г.

Ex lib. Univ. Tart.

Портретъ Даринки.

Вас. Вит. Шульгину.

Я хожу по дворцу въ Цетинье —
Невзыскательному дворцу,
И приводитъ меня унынье
Къ привлекательному лицу.

Красотою она не блещетъ,
Но есть что-то въ ея глазахъ,
Что заставитъ забыть про вещи,
Воцарившіяся въ дворцахъ.

Есть и грустное, и простое
Въ этомъ профилѣ. Вдумчивъ онъ.
Въ этомъ профилѣ есть такое,
Что о немъ я увижу сонъ.

Гидъ назвалъ мнѣ ее. Не надо!

Мнѣ не имя, — нужны глаза.

Я смотрю на деревья сада.

Я смотрю, и въ глазахъ — слеза.

Цетинье. Черногорія,
20 янв. 1931 г.

Переваль черезъ Ловченъ.

Чась назадъ, въ миндалями насыщенныхъ су-
Золотые лимоны, какъ дѣти луны. [меркахъ,
А теперъ, въ легкомъ заморозкѣ, въ лунныхъ
[высверкахъ
Колеи оснѣженной, сталъ Ловченъ уныль.

Мы уже на горѣ, на вершинѣ двухтысячной.
Чась назадъ, тамъ въ Каттарро, стояла весна.
А теперъ, въ горьковатомъ сіяніи мѣсячномъ,
Всѣхъ мѣховъ своихъ выдвинули арсеналь.

Мы нахохлились зябко, какъ сонныя совушки,
И, должно быть, проходимъ немного смѣшны:
Намъ смѣются вослѣдъ черногорскія дѣвушки,
Ихъ слова заглушаются хрупотомъ шинъ.

Скользокъ путь. Скользокъ смѣхъ. Просколь-
[знули и Нѣгуши.
Изъ-за выступа вымолнилъ автомобиль,
Чуть насъ въ пропасть не сбросивъ, какъ хруст-
[кую ракушку,
Ту, что давишь, не думая самъ истребить...

Парижъ,
20. февр. 1931 г.

Калемегданъ въ апрѣлѣ.

Какъ выглядить безъ насъ Калемегданъ,
Нагорный садъ надъ Савой и Дунаемъ,
Гдѣ былъ толчекъ одной поэмѣ данъ,
Поэмѣ той, которой мы не знаемъ?...

Тамъ, вѣроятно, все теперь въ цвѣту,
Не то, что здѣсь — морозъ, снѣга, метели,
И, можетъ быть, тамъ встрѣтить можно ту.
Кто, такъ и кажется, сошла съ пастэли...

Она въ тоскѣ, — замѣтно по всему —
Глядитъ въ тоскѣ, какъ мутно льется Сава,
Какъ вдаль туманится Земунъ,
И все ее волнуетъ чья то слава...

Ей не хотѣлось бы итти домой,
На замкнутую улицу въ Бѣлградѣ,
Гдѣ ждетъ ее... Но кто онъ ей такой,
Я лучше умолчу, приличья ради...

Красавица она. Она тиха.
Не налюбуеться. Но скажетъ слово...
Я, впрочемъ, предназначилъ для стиха
Совсѣмъ не то... Начну-ка лучше снова:

Какъ выглядить теперь Калемегданъ, —
Бульваръ надъ Савой, слившейся съ Дунаемъ,
Гдѣ былъ толчекъ одной поэмѣ данъ.
Которой никогда мы не узнаемъ?..

Toila,

8 апр. 1931 г.

Въ долину Неретвы.

Я чуть не отдалъ жизнь въ твоихъ горахъ,
Когда, подъ грохотъ каменно-железный,
Нашъ поѣздъ, несшійся на всѣхъ парахъ,
Низринулъ. — изъ-за обвала — въ бездну.

Когда, въ щепы разбитый паровозъ
И въ исковерканный, — за нимъ — багажный,
Уперся нашъ вагонъ, а злой откосъ
Вдругъ превратилъ его въ многоэтажный.

Мы очутились въ нижнемъ этажѣ.
Сталь неприступно скользокъ линолеумъ.
Мы вверхъ не шли. нѣтъ, мы ползли уже
И скатывались подъ наклономъ лѣвымъ.

Но и тогда, почти касаясь дна,
Дна пропасти и неповторной жизни,
Очаровательнѣйшая страна,
Поэтъ тебя не предасть укоризнѣ.

Онъ только въ памяти запечатлѣлъ
Ночь, вѣтеръ, дождь — пособниковъ лавинѣ, —
И нѣтъ чудеснѣе на всей землѣ
Долины Неретвы въ Герцоговинѣ!

Парижъ,
25 февр. 1931 г.

По Швейцаріи.

Агатъ Веберъ.

Мы ѣхали вдоль озера въ туманъ,
И было нескончаемо оно.
Вдали горѣли горы. Часъ былъ ранній.
Вагонъ дремалъ. Меня влекло окно.

Сквозь дымку обрисовывались лодки,
Застывшія на глади здѣсь и тамъ.
Пейзажъ былъ блеклый, сѣренькій и кроткій,
Созвучный сѣвернымъ моимъ мечтамъ.

Шель пароходъ откуда-то куда-то.
Я зналъ — на немъ къ кому-то кто-то плылъ,
Кому всегда чужда моя утрата,
Какъ чуждъ и мнѣ его восторгъ и пыль.

Неслись дома въ зелено-сѣрыхъ тонахъ.
Вдругъ возникалъ лиловый, голубой.
И лыжницы въ костюмчикахъ зеленыхъ
Скользили съ горъ гурьбой на перебой.

Базель,
31 янв. 1931 г.

Три перевода изъ Іована Дучича.

Вино изъ Дубровника. (Съ сербскаго).

Разлеглось спокойно море передъ садомъ,
Тихо, неподвижно. Бьетъ струя фонтана.
А изъ синихъ лавровъ похотливымъ взглядомъ
Смотритъ ликъ блудливый мраморнаго Пана.

Пропиталась страстной музыкой долина.
Общество въ саду въ бесѣдахъ возбужденныхъ.
Быль обѣдъ чудесенъ. выдержаны вина.
Весело гостямъ въ аллеяхъ освѣщенныхъ.

Возникають танцы. Безпорядокъ нѣжный.
И уже условность склонна къ нарушеньямъ:
Капитанъ псалмы цитируетъ мятежно,
А доминиканцу — мандолина съ пѣньемъ...

Анна де-Доце, дѣвица тонныхъ правилъ
И особа столь же правильнаго тона,
Въ окруженьи дамъ, уже считаетъ вправѣ
Разсказать новеллу изъ Декамерона...

Бѣлградъ.
18 ноября 1930 г.

Мадригалъ изъ Дубровника.

(Съ сербскаго).

Вечеромъ у князя мы въ разгарѣ бала,
О Madame. станцуемъ, какъ когда-то снова
Бурный вальсъ. Съ улыбкой мы пройдемъ вдоль
Будто между нами ничего былого... [зала,

А затѣмъ придутъ веселые кадрили.
Музыка, какъ буря забушууетъ страстно.
Въ шелкъ венеціанскій дамы станъ обвили,
А мужчины — въ бархатъ черный и прекрасный.

Позже въ разговорахъ общество потонетъ:
Юность — о поэтахъ винахъ и геройствѣ.
Старость — о схоластикѣ и о Платонѣ,
И объ Августинѣ, и о неба свойствѣ...

Мы же между тѣмъ, въ глубинахъ зала сядемъ,
Утопая въ креслахъ толки поразвѣявъ.
И сонетомъ грустнымъ, какъ бы шулки ради,
Я почту Вашъ легкій, милый сердцу, вѣеръ...

Бѣлградъ,
18 ноября 1930 г.

Инокъ изъ Дубровника. (Съ сербскаго).

Тысяча шестьсотъ (ахъ, все равно какого!)
Года нѣкій иннокъ былъ зимой въ Версалѣ
И, Люи Каторзъ представленъ, образцово
Выказалъ усердье на приѣмѣ въ залѣ.

Въ честь республиканскаго посла устроень
Въ Трианонѣ вечеръ (блескъ любила эра!)
На которомъ гость почтенъ и удостоень
Музыкой Люли и труппою Мольера.

Крошечные, въ пудрѣ, всю то ночь маркизы
На носкахъ сатиновыхъ нарядныхъ туфель
Ткали менуэтъ, и колебались бризы
Вѣровъ по залу, нѣжа тонкій профиль...

Въ это время гость расхаживалъ по залу,
Про Адриатическаго моря церкви
Говоря торжественному кардиналу,
Думая о туфелькѣ изящной мѣрки...

Бѣлградъ,
1930 г.

Голубой цвѣтокъ.

Всѣхъ женщинъ все равно не перелюбишь,
Всего вина не выпьешь все равно...
Неосторожностью любовь погубишь:
Разъ жизнь одна, и счастье лишь одно.

Не разницу характеровъ, а сходство
Въ подругѣ обрѣтенной отмѣчай.
Побольше вѣрности и благородства,
А тамъ и счастливъ будешь невзначай...

Не крылья грезъ — нужнѣй земному ноги.
Съ полетами, безкрылый, не спѣши.
Не лучше ли, чѣмъ понемногу многимъ,
Немногой много удѣлить души?

Въ желаньи счастья — счастье. Повстрѣчались.
Сошлись. Живутъ. Не въ этомъ ли судьба?
На Голубой цвѣтокъ обрекъ Новались, —
Ну что-жъ: и забудка голуба...

Toila,
26 іюня 1931 г.

На необитаемомъ островѣ.

Ни въ жены, ни въ любовницы, ни въ сестры:
Нѣтъ вѣрности, нѣтъ страстности, нѣтъ дружбы,
Я не хотѣлъ бы съ ней попасть на островъ
Необитаемый: убила глушь бы.

Когда любимъ и любишь, счастьемъ рая
Глушь можетъ стать. Но какъ любить такую?
Какъ быть съ ней вѣчно вмѣстѣ, созерцая
Не добрую и вмѣстѣ съ тѣмъ не злую?

Вечернія меня пугали бѣ тѣни.
Не радовалъ бы и восходъ румяный:
Предастъ Разстроить. Омрачить. Измѣнить,
Разъ нѣтъ мужчинъ, хотя бы съ обезьяной.

Toila,

23 февр. 1932 г.

Наступаетъ весна . . .

Наступаетъ весна . . . Вновь обычность ея не-
обычна,

Неожиданна жданность и ясность слегка неясна.
И опять — о, опять! — все пахуче, цвѣточно и
птично.

Даже въ старой душѣ, даже въ ней наступаетъ
весна!

Мохъ въ еловомъ лѣсу засинѣлъ — забѣлѣлъ въ
перелѣскахъ.

О, подснежники. вы — обезкрыленные голубки!
И опять въ ущербленьяхъ губчатыхъ, коричне-
выхъ, рѣзкихъ

Ядовитыя ноздри свои раздуваютъ сморчки.

И рѣченка безводная вновь многоводной рѣ-
кою

Стала рыбной безрыбная, сильной лишенная
силь

Соблазнительною, интересною стала такою,
Что, повѣривъ въ нее, я удилище вновь осна-
тилъ.

Я ушелъ на нее изъ прискучившихъ за зиму
комнатъ,

Цѣлодневнo бродя вдоль извилинъ ея водяныхъ.
Посѣщая одинъ за другимъ увлекающій омутъ.
Гдѣ таятся лохи, но кто знаетъ — въ которомъ
изъ нихъ?

Этотъ лохъ и сморчекъ, и подсиѣжникъ неза-
мысловатый,

Эта юнь, эта даль, что влекуще — озерно —
лѣсна,

Все душѣ, упоеньемъ и радостью яркой объятой,
Говорить, что опять, что опять наступаетъ весна!

Toila,

7 мая 1932 г.

Выступленія Игоря Сѣверянина.

Россія /1910—18 г. г./

Петербургъ /55/, Москва /26/, Харьковъ /10/, Тифлисъ /4/, Одесса /4/, Ростовъ на Дону /2/, Екатеринодаръ /2/, Курскъ /2/, Тверь /2/, Полтава /2/, Саратовъ /2/, Екатеринославъ /2/, Елисаветградъ /2/, Кутаисъ /2/, Баку /2/, Симферополь /2/, Севастополь /1/, Керчь /1/, Кіевъ /1/, Вильно /1/, Псковъ /1/, Казань /1/, Орель /1/, Армавиръ /1/, Новороссійскъ /1/, Таганрогъ /1/, Ярославль /1/, Минскъ /1/, Лигово /1/, Царское Село /1/.

Эстонія /1919 — 32 г. г./

Ревель /21/, Юрьевъ /6/, Нарва /6/, Гунгербургъ /4/, Тойла /4/, Везенбергъ /2/, Печеры /1/.

Латвія /1921 — 29 г. г./

Рига /18/, Двинскъ /2/, Либава 1.

Литва /1921 г. г./

Ковно /2/, Шавли /1/.

Польша /1924—31 г. г./

Варшава /8/, Вильно /2/, Ровно /1/, Лодзь /1/, Луцкъ /1/, Бѣлостокъ /1/, Брестъ на Бугъ /1/, Пинскъ /1/.

Данцигъ /1924 г. г./

Цоппотъ /2/.

Финляндія /1923 г. г./

Гельсингфорсъ /3/.

Германія /1922, 1925 г. г./

Берлинъ /4/.

Франція /1931 г. г./

Парижъ /2/.

Югославія /1930 — 31 г. г./

Бѣлградъ /9/, Дубровникъ /2/, Люблана /2/, Бѣлая Церковъ /2/, Горажда /2/, Сараево /1/, Мариборъ /1/, Птуй /1/, Новый Бечей /1/, Великая Кикинда /1/.

Болгарія /1931 г. г./

Софія /2/, Плевна /2/, Пловдивъ /2/, Стара Загора /1/, Казанлыкъ /1/, Сливенъ /1/, Тырново /1/.

Всего: 262.

15. „РОСА ОРАНЖЕВАГО ЧАСА“ /Поэма/.
Одно издание — 2500 экз. /1925 г./.
16. „КОЛОКОЛА СОБОРА ЧУВСТВЪ“ /Романъ въ стихахъ/.
Одно издание — 2000 экз. /1925 г./.
17. „КЛАССИЧЕСКІЯ РОЗЫ“ /1922 — 30 г. г./.
Одно издание — 2500 экз. /1931 г./.
18. „АДРИАТИКА“ /1931 — 32 г. г./.
Одно издание — 500 экз. /1932 г./.

Избранные стихи:

1. „ЗА СТРУННОЙ ИЗГОРОДЬЮ ЛИРЫ“.
Одно издание — 12400 экз. /1918 г./.
2. „GREME DE VIOLETTES“.
Одно издание — 3000 экз. /1919 г./.
3. „PUNAJOGI“.
Одно издніе — 5000 экз. /1919 г./.
4. „ТРАГЕДІЯ ТИТАНА“.
Одно издание — 10000 экз. /1923 г./.

Всего: 160538 экз.

R Est.

A. 78 00

Est. A 18955